

УДК 373 (571.53)

DOI: 10.23951/2307-6127-2018-4-187-196

ЧАСТНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ В ИРКУТСКЕ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Л. В. Гаращенко

Иркутский государственный университет, Иркутск

Разработка проблем, связанных с актуализацией богатейшего историко-педагогического наследия российских регионов, сохраняет высокую значимость как направление научного поиска. Делается попытка восполнить имеющийся информационный пробел в истории развития частного образования в Иркутске. В научный оборот вводятся ранее неизвестные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Иркутской области. Рассматриваются организационно-педагогические аспекты деятельности национальных школ, которые содержались в середине XIX – начале XX в. частными лицами, религиозными общинами (медресе, еврейское, евангелическо-лютеранское, римско-католическое начальные училища), национальными обществами (латышская и армянская школы) и были заметным явлением в городском образовательном пространстве. Раскрываются вопросы финансирования школ, проблемы взаимодействия учредителей с местной администрацией и комплектования педагогического состава. Основное внимание уделено организации образовательного процесса. Дана характеристика содержания образования, приведены примеры форм воспитательной работы, приобщения детей к национальным традициям и обычаям.

Ключевые слова: *история частного образования, частное образование, частная национальная школа, образовательный процесс, приобщение к национальным традициям, Иркутск, Иркутская губерния.*

Разработка проблем, связанных с актуализацией отечественного историко-педагогического наследия, сохраняет высокую значимость как направление научного поиска и в настоящее время получила статус государственного заказа [1, 2]. Особую ценность приобретает изучение богатейшего культурно-исторического опыта российских регионов: оценочная реконструкция педагогической реальности, описание и осмысление существовавших практик обучения и воспитания, репрезентация традиций провинциальной педагогической культуры, выявление аналогов и успешно реализованных инновационных идей – все, что может быть экстраполировано на современную образовательную ситуацию.

За Иркутском, история которого насчитывает уже 357 лет, издавна закрепился имидж культурной столицы Восточной Сибири, имеющей прочные традиции народного просвещения, меценатства и благотворительности. И далеко не каждый губернский город (находившийся не только в глубинке страны, но и в Европейской России) мог бы соперничать с ним по числу частных школ разного типа, довольно успешно действовавших здесь и нередко составлявших конкуренцию казенным учебным заведениям. В сети иркутских негосударственных школ особое место занимали национальные училища, предназначенные для детей определенного вероисповедания или конкретной этнической группы. Придерживаясь общепринятой педагогической терминологии, под национальными школами мы будем понимать общеобразовательные учебные заведения, осуществлявшие обучение на род-

ном языке, имевшие специфические цели, учебный план и содержание образования [3, с. 164]. При этом соглашаемся с некоторой условностью этого термина, поскольку такие школы в Иркутске не всегда имели этническую однородность, а были, как правило, предназначены для детей определенного вероисповедания.

Среди значительного круга вопросов, касающихся истории развития частного образования в Иркутске середины XIX – начала XX в. и требующих своего освещения, к числу малоизученных проблем можно отнести организационно-педагогические аспекты деятельности частных национальных школ. В иркутской историографии имеются лишь отдельные работы, где фрагментарно представлена историческая информация общего характера об этих училищах (В. С. Войтинский и А. Я. Горнштейн [4], Ю. Душкин [5], Г. И. Бобкова [6] и др.). Комплексных историко-педагогических исследований не проводилось, но в одной из более ранних наших публикаций были точечно представлены некоторые факты, иллюстрирующие организацию внеклассной работы в одной из национальных частных школ [7]. Кроме этого, отдельная статья была посвящена истории иркутского католического училища [8]. Источниковую базу исследования составили материалы фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Иркутской области, иркутские летописи, заметки в периодических изданиях Иркутской губернии, справочная литература по Иркутску, изданные типографским способом отчеты о деятельности учебных заведений, а также официальные нормативно-правовые акты дореволюционного периода.

Иркутск всегда был городом многонациональным (статус города присвоен в 1686 г.): наряду с русскими, которых было подавляющее большинство, здесь проживали буряты, якуты, тувинцы, китайцы, монголы, татары, поляки, немцы, евреи... Так, по статистике, в 1864 г. из 26 594 горожан представителями других национальностей были около двух тысяч жителей: поляков римско-католического исповедания насчитывалось до 550 человек; немцев лютеранского и реформатского исповедания – до 200; евреев – около 300; магометан (татар) – 200; бурят-монголов (буддийской и шаманской веры) – до 600 [9, с. 7–8]. Численность населения быстро увеличивалась, и картина становилась иной. В январе 1884 г., когда проходила однодневная перепись населения, в Иркутске было насчитано уже 36 117 душ обоего пола. По вероисповеданию они распределялись следующим образом: православных – 89,58 %, евреев – 5,25 % (или 1 896 человек), католиков – 2,37 % (856 человек), магометан – 1,43 % (516 человек), лютеран – 0,53 % (191 человек), шаманствующих – 0,34 % (123 человека), старообрядцев – 0,29 % (105 человек), ламаистов – 0,16 % (58 человек), армяно-григориан – 0,04 % (15 человек) и две женщины были «англиканского исповедания» [10, с. 93]. Первого января 1909 г., по сведениям городской полиции, в Иркутске было 108 060 жителей обоего пола: православных – 86 484, раскольников – 653, протестантов – 1 339, иудеев – 6 169, римско-католиков – 5 392, магометан – 5 105, армяно-григорианцев – 1 409, шаманствующих – 791, буддистов – 718 [4, с. 42]. Таким образом, нерусское население города состояло из «смеси различных народностей, частью туземных, частью переселившихся» [9, с. 45] из европейской части России вследствие добровольной или принудительной миграции.

Согласно действовавшему законодательству, эта часть иркутских жителей имела возможность обучать своих детей и в общегородских, и в частных училищах – «без различия званий и вероисповеданий» [11, с. 88]. Так, в 1910 г. дети евреев составляли 7,3 % учеников Иркутской мужской гимназии, 4,4 % – промышленного училища, 37,4 % – коммерческого училища, 8,8 % – учениц 1-й и 2-й женских гимназий им. И. С. Хаминова, 19,5 % – частных женских гимназий [4, с. 68, 70]. Среди учениц частной гимназии А. М. Григорьевой есть имена дочерей германского подданного О. Л. Кослера, а в гимназии В. С. Некрасовой

учились внуки купцов-татар Шафигуллиных и т. д. [12]. Однако высокая стоимость права учения в частных заведениях и дефицит мест в министерских школах («по недостатку помещений» [13, л. 5]) оставляли «за бортом» просвещения многих ребят. Например, по сообщениям начальников учебных заведений Иркутска, в 1911 г., за отсутствием вакансий, было отказано в приеме 35 детям лиц иудейского вероисповедания [14]. К тому же преподавание во всех школах (и частных, и казенных) велось на русском языке – по программам и учебникам, утвержденным Министерством народного просвещения и выстроенным в контексте православной культуры. Лишь в некоторых казенных (мужская гимназия, 2-я Хаминовская женская гимназия, Девичий институт Восточной Сибири и др.) и частных (школа «Детский Сад») учебных заведениях Закон Божий для католиков и лютеран преподавался специально и, как требовали того установленные правила, на «природном» языке учащихся, то есть на том, на котором они привыкли читать свои повседневные молитвы [15]. Большая же часть нерусских детей, обучавшихся в православных школах, не получала необходимой для их вероисповедания религиозной подготовки (хотя ученики не принуждались к перемене их веры и не обязывались посещать уроки, где преподавалось христианское учение).

Вполне объяснимо, что, находясь вдали от своей исторической родины, выходцы из других территорий стремились сохранить национальные культурные ценности и не только обеспечить своим детям возможность получить достойное образование (как инвестиции в будущее), но и обучить их родному языку, приобщить к национальным традициям и обычаям. Решить эту проблему можно было только одним путем – открыв свою национальную школу.

Как следует из имеющихся в нашем распоряжении материалов, в Иркутске национальные школы были представлены в двух организационно-правовых формах: учрежденные конкретными частными лицами и открытые религиозно-национальными общинами.

Известно, что незадолго до рассматриваемого периода, еще в 1829 г., евангелический пастор Карл Розенталь и его супруга предпринимали попытку организовать в своем доме частное учебное заведение для девиц. Предполагалось, что девочки, для образования которых в городе на тот момент не имелось вообще никакого заведения, будут поступать на полный пансион или полупансион и обучаться языкам («российскому», немецкому, французскому), арифметике, музыке, рисованию и разным женским рукоделиям. Инициатива, получившая поддержку иркутского гражданского губернатора, вряд ли была реализована из-за возникших тогда бюрократических препон, адресовавших просителей первоначально добиться разрешения директора училищ и одобрения Казанского университета, а затем поступить «сообразно оному» [16, л. 9]. Во всяком случае упоминаний о том, что этот пансион действовал, мы не встретили.

Поэтому к числу национальных школ, содержавшихся частными лицами, можно отнести только начальное двухклассное смешанное еврейское училище, которое открыла в Иркутске в 1912 г. домашняя учительница Р. И. Бейлин, жена иркутского казенного раввина С. Бейлина. Поскольку «совокупное обучение детей обоего пола в одном и том же заведении, как противное обычаям евреев, не допускалось» [14, л. 62], даже если возраст девочек не превышал 11 лет, разрешение пришлось испрашивать у самого министра народного просвещения. Ходатайство главного инспектора училищ Восточной Сибири было удовлетворено, и частная еврейская школа Розы Бейлин работала в Иркутске вплоть до 1918 г. Контигент ее был небольшим, поскольку плата за право учения составляла 100 р. в первом отделении и 150 р. – во втором. Так, в 1917 г. здесь обучались 12 мальчиков и 2 девочки. Со второго класса, дополнительно к общеобразовательным предметам, детям преподавались немецкий и французский языки. Помимо решения прямых задач, объявленных при открытии школы, учебное заведение оказывало населению и другие образовательные услуги:

подготовка детей к приемным испытаниям в гимназию, обучение еврейскому языку учеников средних учебных заведений и юношества, репетиционные уроки по курсу мужских и женских гимназий.

Большинство же иркутских частных национальных школ было создано религиозными общинами (медресе, еврейское, евангелическо-лютеранское, римско-католическое начальные училища) и национальными обществами (латышская и армянская школы). Содержались они, как правило, на средства прихожан общины, целевые пожертвования неравнодушных граждан и доход от благотворительных мероприятий. К примеру, ежегодные расходы евангелическо-лютеранского прихода на содержание в своей школе одного недостаточного ученика составляли от 50 до 60 руб. (впрочем, состоятельные родители выплачивали эту сумму в полном объеме, а поскольку таковых было очень мало, школа из-за недостатка средств уже в 1912 г. прекратила свое существование).

Лишь в римско-католическом училище за учение взималась ежемесячная плата в размере двух рублей с ребенка. При этом католическая школа в 1912–1916 гг. получала еще и денежное пособие от городской казны в размере 1 680 руб. [8]. Субсидия была назначена ввиду крайне затруднительного материального положения школы, где на тот момент обучалось более 80 учеников, и из-за отсутствия в ее организации вероисповедального характера: детям преподавались чтение, письмо, чистописание, арифметика, Закон Божий (краткий катехизис, краткая Священная история и краткая литургия).

Еврейское и магометанское училища имели мужское и женское отделения, располагавшиеся в разных помещениях. У каждого из филиалов были свои заведующие и учителя. Кроме того, еврейская школа («Талмуд-Тора», или кружок образования, с 1860-х гг.) и магометанская (с конца 1880-х гг.), находившиеся, соответственно, при синагоге и мечети, на первых порах действовали без «узаконения» (нелегально). Официальное разрешение на работу еврейской школы было получено только в 1897 г., после длительной, продолжавшейся в течение 40 лет, переписки с губернскими властями. Многократно возбуждавшиеся ходатайства неизменно отклонялись с аргументацией: «...не усматривается достаточных оснований к учреждению училища» [4, с. 303]. Женское же отделение появилось два года спустя, в 1899 г., как «частное еврейское училище для девочек, в наемном доме, на средства частных жертвователей» [17, с. 438]. В том же году, идя навстречу разраставшейся среди еврейской бедноты потребности в грамоте, при еврейском бесплатном училище открыли занятия для одной группы в вечернюю смену, поскольку наличных площадей было недостаточно, чтобы вместить всех, кто хотел учиться. Вечерняя смена просуществовала три года, в течение которых превратилась в школу, где учащиеся также регулярно посещали занятия, переходили из класса в класс, а экзамен держали вместе с учениками дневных групп. С февраля 1915 г. здесь начали действовать вечерние курсы грамотности для взрослых. Они работали по программе городских училищ и обучали желающих общим и еврейским предметам. «Вечерникам», окончившим полный курс, вручались удостоверения, не дававшие им, однако, никаких прав и преимуществ.

Информация о магометанском училище начинает встречаться в справочной литературе по Иркутску только в 1909 г., плюс в докладе городского головы И. Ф. Исцеленнова отмечалось, что в училище общества магометан в 1909 г. обучались 108 человек: 53 мальчика и 55 девочек [18, с. 57]. В учебное заведение в том году были зачислены все, кто подавал прошение, никому не было отказано. Поскольку число учащихся быстро увеличивалось, в начале 1910/1911 учебного года, в целях недопущения отказов при приеме детей в школу, община была вынуждена открыть при училище самостоятельное отделение для девочек. Попечительницей женской школы стала купеческая жена Нафиса Шафигуллина. Не секрет,

что в России почти до начала XX в. медресе посещали только мальчики, а обучение девочек элементарной грамоте, как правило, принимали на себя супруга или дочь местного муллы. Иркутск в этом плане в определенной степени оказался прогрессивным городом.

Оставшиеся из вышеперечисленных школ служили для совместного обучения детей обоего пола и были открыты только в первые десятилетия XX в.: евангелическо-лютеранская (двухклассная подготовительная школа) – в 1906 г.; римско-католическая (приходская начальная школа святого Иосафата) – в 1907 г.; латышская (начальная школа для детей беженцев-латышей) – в 1916 г.; армянская – в сентябре 1917 г.

Организация образовательного процесса в национальных школах Иркутска в целом соответствовала установленным требованиям, хотя имелись некоторые нюансы. Допуская, что евреи могут заводить свои частные или от обществ училища, законодательство предусматривало содержание образования, замещение учительских должностей, годовичные испытания, обязанности надзора в означенных училищах следует подчинять правилам общего училищного Устава; в числе предметов преподавания особое внимание обращать на русский язык, обучать которому надлежало в каждом училище [19]. Потому в школе, содержащейся на средства иркутской еврейской общины, дети наравне с такими дисциплинами, как вероучение, разговорный и письменный еврейский язык, еврейская история, бесплатно изучали основы русской грамоты (2 часа в неделю) и другие предметы «первоначального образования» [20, с. 5] по программе Министерства народного просвещения: арифметику, чистописание, природоведение, русскую географию и историю. Высока вероятность, что эти дисциплины все же преподавались на родном языке учеников, поскольку даже в 1925 г. газета «Власть труда» сообщала: «В еврейской школе до сих пор не преподавалось ни одного предмета на русском языке. Сейчас школа реорганизована в семилетку. Введены русские языки» [21].

В магометанском же училище специальные уроки русского языка начались лишь в июне 1908 г. по инициативе председателя татарского общества Ш. Ш. Шафигуллина и при его финансовой поддержке. Родители, разумея, что «если мусульманский ребенок пойдет в первоначальную школу и в ней достаточно выучится русскому языку, то для него [будет] уже открыт путь к среднему образованию в общих гимназиях» [22, с. 20], охотно направляли детей на эти занятия: в двух отделениях – мужском и женском – русскому языку обучалось в то лето более 50 человек. Занятия, продолжавшиеся 2,5 месяца, дали благоприятные результаты: многие ученики, не умевшие даже говорить по-русски, «привыкли к разговорной речи, научились читать и писать» [23]. В следующем году русскую грамоту в летнее время изучали 36 человек – 12 мальчиков и 24 девочки.

Поскольку в названном училище преподавание велось исключительно на татарском языке, а обучение детей русской грамоте носило случайный характер (летние курсы), Иркутская городская дума стала ежегодно, начиная с 1 января 1912 г., отпускать пособие в размере 1 680 руб. на содержание двух классов русского языка – в мужском и в женском отделениях школы. Эти средства предписывалось тратить на жалованье двум преподавателям и выплату им квартирных денег. Согласно правилам, учителями в таких классах могли быть как инородцы соответствующего вероисповедания, хорошо владевшие русским языком, так и русские, хорошо знавшие «инородческие наречия» [24], причем и те и другие должны были иметь надлежащую педагогическую подготовку.

Главной целью школы объявлялось изучение магометанской религии. Среди прочих предметов девочкам преподавались татарская письменность, арабский язык, каллиграфия. Для юношей в 1912 г. иркутский генерал-губернатор разрешил ввести в учебный план арифметику. Мальчики в медресе научались читать толково Святое Писание и молитвы,

изучали татарский и арабский языки, что позволяло им в подлиннике знакомиться с памятниками духовной культуры мусульманского мира. Стоит при этом отметить, что Министерством народного просвещения 10 июля 1892 г. был издан особый циркуляр «Об употреблении в магометанских школах только книг, одобренных цензурой, и о допущении к преподаванию только русских подданных» [25]. В преамбуле говорилось, что поводом для принятия документа послужили сведения, что: 1) в мектебе и медресе, кроме печатных книг религиозного содержания, употребляются рукописные книги и тетради, содержание которых нередко проникнуто враждой к России; 2) в числе печатных книг попадаются иностранные издания, в которых проводятся мысли, прямо враждебные русским государственным началам; 3) преподавателями этих школ бывают лица, не только обучавшиеся за границей, но и без российского подданства. С этого момента в магометанских школах дозволялось использовать только те печатные книги, которые были одобрены русской цензурой, а учить детей могли исключительно подданные России, получившие здесь образование.

Закономерно, что в условиях дефицита учительских кадров, характерного для дореволюционного Иркутска и губернии в целом, у национальных школ неоднократно возникали проблемы с подбором преподавательского состава. (Исключение составляло только римско-католическое училище, поскольку в городе было достаточное число образованных поляков.) В евангелическо-лютеранском училище, например, в 1911 г., кроме священника-законоучителя, с детьми работал учитель немецкого языка А. Э. Бернарделли из Иркутской приготовительной школы Омского кадетского корпуса. В магометанском училище в 1909 г. законоучителем состоял почти неграмотный мулла М.-Г. Баймуратов, не получивший никакого образования, который по-русски мог написать только одну свою фамилию. В еврейском училище безвыходность положения обуславливалась еще тем, что в городе не находилось лиц, желавших принять на себя обязанности учителей, а пригласить преподавателей-евреев из других регионов не представлялось возможным, поскольку тем следовало иметь здесь право на жительство. Пытаясь решить этот «больной» вопрос, Иркутское общество распространения просвещений между евреями в 1914 г. даже приняло решение выдавать субсидии молодым людям-сибирякам, изъявившим желание посвятить себя педагогической деятельности и изучавшим еврейские предметы. Выделена была субсидия и вечерним курсам для взрослых при Иркутском еврейском училище [26], на которых, помимо общих предметов, преподавались еврейский язык, библия и история евреев. Известно также, что из числа окончивших женскую мусульманскую школу в 1915 г. три воспитанницы – М. Обдурашитова, Х. Хиссамудзянова и Р. Нигматулина – были отправлены на летние учительские женские курсы в Пермскую гимназию для получения надлежащей педагогической подготовки. Причем первые две поехали за общественный счет.

Характерной особенностью национальных школ Иркутска было стремление подготовить своих питомцев к какому-либо самостоятельному труду. В еврейском училище уже в первые годы после открытия школы девочкам давали навыки кройки, шитья и вышивания, устраивали уроки практического огородничества; мальчиков занимали переплетением книг, а в сентябре 1907 г. губернские власти разрешили еврейской общине открыть при школе ремесленные классы для обучения детей ремеслам – кузнечному, слесарному и токарному [7, 20]. Все эти ремесленные классы (женские и мужские) содержались за счет благотворителей. Латышская школа, где, как и в еврейском училище, действовала летняя оздоровительно-трудовая колония, давала ученикам основы сельскохозяйственных знаний. При мужском отделении магометанской школы класс ручного труда по программе, принятой в начальных училищах, был создан в 1912 г. и существовал на средства Иркутского магометанского благотворительного общества, которое выделяло на эти цели 1 000 руб. ежегодно.

Поскольку большая часть детей, обучавшихся в частных национальных школах Иркутска, была из малообеспеченных семей, попечители школ, члены общины и благотворительные общества прилагали немалые усилия, чтобы снабдить школьников необходимыми учебными пособиями и канцелярией, теплой одеждой и обувью. Обращались они за помощью и в Общество оказания пособий учащимся в Восточной Сибири. Известно, например, что в еврейском училище в 1914/1915 учебном году для наиболее бедных детей даже устраивался бесплатный «мясной завтрак» – суп и мясо. Начиная с октября, таких завтраков было выдано более шести тысяч, каждый из них обошелся благотворительной комиссии около четырех копеек. Такое «симпатичное нововведение – бесплатные завтраки» [27] в частном учебном заведении широко приветствовала местная пресса еще в 1901 г.

Для приобщения детей к традициям своего народа школы широко использовали потенциал национальных праздников. На праздниках, проходивших в училищах («Навруз» и «Сабантуй» у магометан, «Ханука» и «Пурим» у евреев), бывали не только приглашенные гости – попечители, благотворители, члены религиозной общины, учебное начальство, но и родители воспитанников, и бывшие ученики. В подготовке и проведении мероприятий, которые нередко проходили по типу музыкально-литературного утра, дети принимали самое живое участие: декорирование зала, устройство сцены, встреча гостей, обеспечение порядка и др. После прочтения кем-либо из педагогов прекрасно составленного описания значения праздника ученики декламировали стихи, пели хором народные песни, представляли живые картины на мотивы народных сказаний и легенд. К этому дню организаторы старались приурочить выставку-продажу детских рукодельных работ. Проводились народные игры под руководством учителей и специально подготовленных лиц. Нередко демонстрировался «волшебный фонарь», показывались туманные картины. Учащимся устраивали угощение, одаривали их необходимыми вещами, книгами, конфетами. Такая практика, несомненно, содействовала укреплению в детях национального самосознания, прививала «интерес и любовь к сокровищам родной культуры» [26, л. 6].

В 1920 г., после полного установления в Иркутске советской власти, существовавшие при религиозных общинах и национальных обществах училища перешли в ведение губернского отдела народного образования (с выдачей на их содержание средств из «общегосударственных ресурсов» [28, л. 138]) и продолжили работать уже в новом статусе: еврейское училище – как 17-я совшкола первой ступени, семилетка; магометанское – как 10-я школа 1-й ступени, татарская. Латышское училище перевели в другое помещение – на бывшую дачу Колыгина по Лагерной улице. При нем была открыта детская площадка, куда допускались дети школьного и дошкольного возраста (начиная с трех лет). А в начале мая 1920 г. коммунальный отдел выделил участок земли, прилегающий к даче Колыгина, для устройства при латышской школе детской трудовой (сельскохозяйственной) колонии [12].

Отметим, что тем же распоряжением губОНО, наряду с училищем при римско-католическом костеле, в реестр городских школ были включены польская частная реальная гимназия и частное одноклассное начальное училище. Какие-либо сведения об этих заведениях пока не обнаружены.

Бесспорно, частные национальные школы, существовавшие в Иркутске в дореволюционный период, не только выполняли функцию социального лифта для детей из небогатых нерусских семей, но и в какой-то мере снижали остроту проблемы нехватки мест в городских начальных учебных заведениях. Органично влившись в региональную систему образования, они стали неотъемлемой частью ее культурно-педагогических традиций.

Список литературы

1. Захарищева М. А. Исторический опыт передачи образованности и культуры (информация о XXXI сессии Научного совета по проблемам образования и педагогической науки) // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26, вып. 3. С. 128–130.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/3409> (дата обращения: 02.06.2018).
3. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2003. 527 с.
4. Войтинский В. С., Горнштейн А. Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 393 с.
5. Душкин Ю. Учили, одевали, давали чай: из истории Иркутского еврейского училища // Иркутск. 1997. 14 марта. С. 7.
6. Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2009. 219 с.
7. Гаращенко Л. В. Организация внеклассной работы в частных школах Иркутска в середине XIX – начале XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 137–141.
8. Garashchenko L. Catholic school in Irkutsk (1907–1920) // Scientific Light. 2017. Vol. 1, № 4. P. 54–56.
9. Иркутск и Иркутская губерния. Приложение к «Сибирскому вестнику». Иркутск, 1866. 63 с.
10. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 544 с.
11. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 30 июля 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 46.2. СПб., 1874. С. 85–99.
12. Гаращенко Л. В. Частные учебные заведения Иркутска (середина XIX – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 672 с.
13. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 193. Оп. 1. Д. 128.
14. ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 173.
15. ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 151.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 83. Д. 9.
17. О вновь открытых и преобразованных народных училищах Иркутской губернии с начала 1899–1900 года // Циркуляр Министерства народного просвещения по Восточной Сибири. 1899. № 11–12. С. 438–441.
18. Исцеленнов И. Ф. Всеобщее общедоступное, начальное образование: доклад. Иркутск, 1909. 60 с.
19. Об учении или образовании евреев // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 10.1. СПб., 1836. С. 321–323.
20. Отчет Иркутского еврейского бесплатного училища и Ремесленного при нем отделения с 1897 г. по 1913 г. Иркутск, 1914. 99 с.
21. Реорганизация еврейской школы // Власть труда. 1925. 21 июля.
22. Смирнов В. К вопросу о школьном образовании инородцев мусульман // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. ССXXII. Июль. Отд. 3. С. 1–24.
23. В татарской школе // Сибирь. 1908. 12 августа.
24. Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в Восточной и Юго-Восточной России (утверждены Министром народного просвещения 31 марта 1906 г.). Казань, 1906. 13 с.
25. Об употреблении в магометанских школах только книг, одобренных цензурой, и о допущении к преподаванию только русских подданных // Циркуляр Министерства народного просвещения по Восточной Сибири. 1892. № 9. С. 171–172.
26. РГИА. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 1271.
27. Иркутская хроника // Восточное обозрение. 1901. 1 сентября.
28. ГАИО. Ф. р-42. Оп. 1. Д. 540.

Гаращенко Любовь Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003). E-mail: glovevita@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22.06.2018

DOI: 10.23951/2307-6127-2018-4-187-196

PRIVATE NATIONAL SCHOOLS IN IRKUTSK (MID XIX – EARLY XX CENTURIES)

L. V. Garashchenko

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

The study of problems related to the study of the rich historical and pedagogical heritage of the Russian regions is of great importance as a direction for scientific research. An attempt is made to fill the existing information gap in the history of the development of private education in Irkutsk. Previously unknown documents which are stored in the Russian State Historical Archive and the State archive of the Irkutsk region are introduced for scientific use. Materials of pre-revolutionary periodicals are used. Statistical data on the national structure of the Irkutsk population in 1864, 1884, 1909 are submitted. Organizational and pedagogical aspects of the activity of the national schools are considered. In the middle of the 19th and beginning of the 20th centuries their custodians were individuals, religious communities (madrassas, Jewish, Evangelical and Lutheran, Roman Catholic elementary schools) and national societies (Latvian and Armenian schools). These schools were a part of city educational space. They taught children of a certain religion in their native language. Schools financing questions, problems of interaction between founders and local administration, difficulties of teacher's staff selection are revealed. The main attention is paid to the educational process organization. The education content characteristic, educational work forms examples, children introduction to national traditions and customs are given.

Key words: *history of private education, private education, private national school, educational process, familiarizing with national traditions, Irkutsk, Irkutsk Province.*

References

1. Zakharišcheva M. A. Istoricheskiy opyt peredachi obrazovannosti i kul'tury (informatsiya o XXXI sessii Nauchnogo soveta po problemam obrazovaniya i pedagogicheskoy nauki) [The historical experience of the transfer of education and culture (information about the XXXI session of the Scientific Council on Education and Pedagogical Science)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika» – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy, Psychology, Pedagogy*, 2016, vol. 26, no. 3, pp. 128–130 (in Russian).
2. *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013–2020 gody* [State Program of the Russian Federation «Development of Education» for 2013–2020] (in Russian). URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/3409> (accessed 2 June 2018).
3. *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Gl. red. B. M. Bim-Bad [Pedagogical encyclopedic dictionary. Ed. by B. M. Bim-Bad]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2003, 527 p. (in Russian).
4. Voytinskiy V. S., Gornshteyn A. Ya. *Evrei v Irkutske* [Jews in Irkutsk]. Irkutsk, 1915. 393 p. (in Russian).
5. Dushkin Yu. *Uchili, odevali, davali chay: iz istorii Irkutskogo evreyskogo uchilishcha* [Learned, dressed, gave tea: from history of the Irkutsk Jewish school]. Irkutsk, 1997, 14 March, p. 7 (in Russian).
6. Bobkova G. I. *Tatarskiye obshchiny Irkutskoy gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [The Tatar communities of the Irkutsk province (the end of XIX – the beginning of the 20th century)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009, 219 p. (in Russian).
7. Garashchenko L. V. Organizatsiya vneklassnoy raboty v chastnykh shkolakh Irkutsk v seredine XIX – nachale XX vekov [The organization of out-of-class work at private schools of Irkutsk in the middle of the 19th – the beginning of the 20th centuries]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*, 2016, vol. 5, no. 2 (15), pp. 137–141 (in Russian).
8. Garashchenko L. Catholic school in Irkutsk (1907–1920). *Scientific Light*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 54–56.
9. *Irkutsk i Irkutskaya guberniya. Prilozheniye k «Sibirskomu vestniku»* [Irkutsk and Irkutsk province. Annex to «The Siberian bulletin»]. Irkutsk, 1866, 63 p. (in Russian).
10. Romanov N. S. *Letopis' goroda Irkutsk za 1881–1901 gg.* [The chronicle of the city of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1993, 544 p. (in Russian).

11. Vysochayshe utverzhdenyy Ustav gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 30 iyulya 1871 g. [Charter of gymnasiums and pro-gymnasiums of department of the Ministry of national education of July 30, 1871]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2. T. 46.2* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2, vol. 46.2]. Saint Petersburg, 1874, pp. 85–99 (in Russian).
12. Garashchenko L. V. *Chastnye uchebnye zavedeniya Irkutsk (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Private educational institutions of Irkutsk (mid XIX – early XX centuries)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 672 p. (in Russian).
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. Fund 193. List 1. File 128 (in Russian).
14. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. Fund 63. List 1. File 173 (in Russian).
15. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. Fund 297. List 1. File 151 (in Russian).
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 733. List 83. File 9 (in Russian).
17. O vnov' otkrytykh i preobrazovannykh narodnykh uchilishchakh Irkutskoy gubernii s nachala 1899–1900 goda [About newly opened and converted public schools of the Irkutsk region from the beginning of the 1899–1900 years]. *Tsirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshcheniya po Vostochnoy Sibiri*, 1899, no. 11–12, pp. 438–441 (in Russian).
18. Istselennov I. F. *Vseobshcheye obshchedostupnoye, nachal'noye obrazovaniye: doklad* [Universal accessible, primary education: report]. Irkutsk, 1909, 60 p. (in Russian).
19. Ob uchenii ili obrazovanii evreev [About training and education of Jews]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobr. 2. T. 10.1* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2, vol. 10.1, St. Petersburg, 1836, pp. 321–323 (in Russian).
20. *Otchet Irkutskogo evreyskogo besplatnogo uchilishcha i Remeslennogo pri nem otdeleniya s 1897 g. po 1913 g.* [Report of the Irkutsk Jewish free school and the Department of Crafts under it from 1897 to 1913]. Irkutsk, 1914. 99 p. (in Russian).
21. *Reorganizatsiya evreyskoy shkoly* [Reorganization of the Jewish school]. *Vlast' truda*, 1925, 21 July (in Russian).
22. Smirnov V. K voprosu o shkol'nom obrazovanii inorodtsev musul'man [To a question of school education of foreigners of Muslims]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1882, part CCXXII, July, section 3, pp. 1–24 (in Russian).
23. V tatarskoy shkole [At the Tatar school]. *Sibir'*, 1908, 12 August (in Russian).
24. *Pravila o nachal'nykh uchilishchakh dlya inorodtsev, zhivushchikh v Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Rossii (utverzhdeny Ministrom narodnogo prosveshcheniya 31 marta 1906 g.)* [Rules on primary schools for foreigners living in Eastern and South-Eastern Russia (approved by the Minister of public education on March 31, 1906)]. Kazan', 1906. 13 p. (in Russian).
25. Ob upotreblenii v magometanskikh shkolakh tol'ko knig, odobrennykh tsenzuroy, i o dopushchenii k prepodavaniiu tol'ko russkikh poddannykh [About the use at Mohammedan schools only the books approved by censorship and about the admission to teaching only having the Russian citizenship]. *Tsirkulyar Ministerstva narodnogo prosveshcheniya po Vostochnoy Sibiri*, 1892, no. 9, pp. 171–172 (in Russian).
26. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 1532. List 1. File 1271 (in Russian).
27. Irkutskaya khronika [Irkutsk chronicle]. *Vostochnoye obozreniye*, 1901, 1 September (in Russian).
28. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. Fund r-42. List 1. File 540 (in Russian).

Garashchenko L. V., Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003). E-mail: glovevita@mail.ru